

VI, 30

Невод с гузилами взял и его навязал на трезубец
Старый Аминтих, устав от рыболовных трудов,
И Посейдона из волн пучины соленого моря
Так, возливая из глаз слезы, умильно просил:
«Знаешь мои ты труды, о блаженный; но к старости жалкой,
Сил нас лишая, растет с ними всегда нищета.
Ты прокорми старичка, но только плодами земными:
Правиль и сушею ты так же, как влагой морской».

VI, 40

Пара волов добывает мне хлеб. Но тебе, о Деметра,
Я их из теста слепил, а не из стада привел.
Ты же храни мне живых и, послав урожай изобильный,
Щедро, благая, воздай за приношенье мое.
Пахарю ведь твоему за восемьдесят да четыре
Минуло года уже, если по правде сказать;
И хоть еще до сих пор коринфского он урожая
Не собирал, но не знал он и голодных годов.

VI, 56

Пьяного и с головой, плющом увитой, Сатира
Бромии в дар посвятил муж-винодел Линагор.
Все у хмельного — и шерсть, и волосья, и плющ с виноградом —
Все, очевидно, хмельно, все, обессилев, висит.
Передало мастерство всю сущность в немых очертаньях:
В мертвой материи здесь точно изваяна жизнь.

VI, 69

Судно свое укрепив на священной земле, Посейдону
Крант-мореход посвятил около храма его.
Бури не сломят ладью; широко теперь растянувшись,
Крант отдыхает, в земле сном безмятежным почив.

VI, 70

Судно тебе, о владыка морей и земли повелитель,
Крант посвятил: на ладье влаги уж более нет.
Судно — крыло быстролетных ветров, на котором несчастный
Часто предчувствовал я скорый к Аиду приход.
Но, позабывши и страх, и надежду, и море, и бури,
Крепко на твердой земле я основался теперь.

VI, 73

Дафнис, свирельный игрок, дрожавший от старости дряхлой
И не способный владеть праздною твердо рукой,
Пану, хранителю стад, посвятил свой пастушеский посох,
Ибо по старости лет коз он не в силах пасти.
Но на свирели досель я играю, досель еще голос
Мой не дрожит и живет в теле дрожащем моем.
Пусть же свирепым волкам по нагорьям никто не откроет
Из козопасов, что я немощным стал стариком.

VI, 83

Некогда Фебу Евмолп возложил на терножник кифару,
Сетуя горько на то, что постарела рука.
Так он сказал: «Не хочу я больше лиры касаться